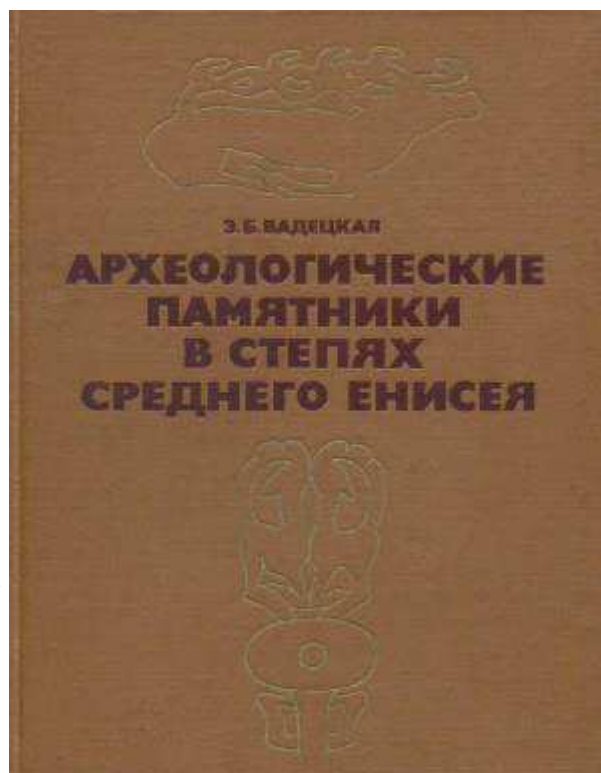

Э.Б. Вадецкая
Археологические памятники в степях
Среднего Енисея.
// Л.: 1986. 180 с.

Глава V. Карасукская культура.

До этого периода сообщение внутри котловины осуществлялось, видимо, на тяжёлых повозках, запряжённых парой медленно движущихся волов. Карасукская эпоха, судя по наскальным рисункам, ознаменовалась появлением колеса со спицами и, следовательно, более лёгкими повозками, посильными быстроходным лошадям. Это привело к интенсивному освоению степей. Вполне вероятно, что к концу эпохи минусинцы научились осваивать коня под верх, что значительно расширило возможности экономических связей с племенами всего Саяно-Алтая. На Енисее появляются бронзовые изделия, близкие по форме найденным как в Западной Сибири, так в Монголии и Ордосе. Их так много, что возникают острейшие дискуссии относительно роли внутреннего и внешнего импульса в развитии металлургии и происхождении культуры в целом.

История изучения. Первые сообщения о карасукских могилах имеются в дневниках И.Г. Гмелина. По сходству оградок с ямами для гашения извести он назвал их «творильными» (132, с. 62). Позже они были выделены в классификациях минусинских курганов Д.А. Клеменца и В.В. Радлова (134, с. 12; 256, с. 150- 151). Первые раскопки произвёл И.П. Кузнецов-Красноярский в 1884 г. под с. Аскиз (17 могил) и в 1907 г. у бывшего с. Синявино (6 могил). По сходству погребальных каменных ящиков с формой гроба он назвал их гробницами, а из-за обилия содержащихся в них украшений считал женскими могилами (153). В 1894 г. подобные ящики встретил А.В. Адрианов при раскопках разновременных комплексов на р. Туба и под г. Минусинском, но он не придавал им значения. В 1914 г. у с. Лугавское 5 похожих могил раскопал А.Я. Тугаринов. Спустя 10 лет их опубликовал Г. Мергарт, который первый заметил отличия лугавских могил по конструкции, форме и орнаментации содержащихся в них сосудов от тех, что ранее раскопал А.В. Адрианов (335). С.А. Теплоухов исследовал могильники в пяти разных пунктах котловины, но главным образом у с. Батени, на р. Карасук (38 могил). Он выделил культуру, дал ей характеристику, указал на чрезвычайное сходство этих памятников с андроновскими и в то же время на близость керамики Енисея с керамикой из могил близ г. Томска и г. Бийска. С.А. Теплоухов сначала вслед за Кузнецовым-Красноярским назвал этот исторический период культурой гробниц, но позже переименовал в карасукский, по месту раскопок. Сопоставив материалы из лугавских погребений с карасукскими, он отнёс их к одной культуре. С.А. Теплоухов первым отметил два направления связи, на которые могут указывать единичные в могилах и в большом количестве известные среди подъёмного материала коленчатые ножи: с одной стороны, рукоятки некоторых ножей напоминают рукоятки кинжалов и ножей сейминского типа, с другой — по форме они близки ножам Забайкалья и Прибайкалья и, несомненно, по его мнению, имеют связь с ножевидными монетами Китая (305, с. 101-107).

После С.А. Теплоухова раскопки производили Г.П. Сосновский, В.П. Левашева, но главным образом С.В. Киселёв. Г.П. Сосновский в результате своих исследований не только в Минусинской котловине, но и в Забайкалье пришёл к выводу, что в каждом из этих районов культура карасукского времени развивалась на своей основе, а карасукские

предметы из бронзы, аналогичные найденным южнее пустыни Гоби, появились в результате торгового обмена (227, с. 13). Иное мнение сложилось у С.В. Киселёва. Он предполагал китайскую принадлежность серии карасукских предметов и доказывал проникновение северокайских переселенцев на Енисей, где новоприсельцы соседствовали с андроновским населением, что объясняет наличие в карасукском инвентаре афанасьевско-андроновских элементов, главным образом в форме и орнаментике керамики (132, с. 86). В 50-е годы А.Н. Липский раскопал серию карасукских могил в г. Абакане и на левых притоках р. Абакан. Самым интересным оказался небольшой могильник (15 могил) около улуса Фёдоров. Он содержал керамику типа лугавской, много украшений и 3 разновидности ножей: 2 изогнутых хвостатых (рукодельных), коленчатый и коленчатый вкладышевый (скребло). В публикации могильника А.Н. Липский привёл интересные сопоставления, позволяющие связать обычаи карасукцев, с одной стороны, с древним афанасьевско-окуневским населением, а с другой — с современными хакасами (193). Его этнографические наблюдения в плане генезиса сибирских народов пока не нашли продолжения, зато идея о том, что у карасукцев сохранились афанасьевская традиция в изготовлении керамики и окуневская — в изготовлении ножей, была воспринята, обогащена дополнительными доказательствами и легла в основу оригинальных схем развития минусинских культур. Согласно одной, племена карасукской культуры застали на Енисее одновременно живущее андроновское (на севере) и афанасьевское (на юге) население. Карасукцы смешались с потомками афанасьевцев (лугавцами), а затем с андроновцами, которыми сами были ассимилированы (216, с. 276). Суть второй схемы состоит в том, что в Минусинских степях одновременно жили 2 этнически разные группы племён: пришлые карасукцы и потомки афанасьевцев-окуневцев. Постепенное тесное общение между ними привело к взаимоассимиляции (227, с. 174-176). Наиболее чётко эти концепции изложены в двух монографиях, посвящённых происхождению и датировке культуры (227; 320). Противоречивость мнений в почти одновременно опубликованных работах показывает дискуссионность проблемы. Вместе с тем оба исследователя (Э.А. Новгородова и Н.Л. Членова) справедливо выделяют отличительные признаки могил лугавского типа от карасукских. Но для датировки тех и других послужила спорная эволюция типов очень разнообразных карасукских ножей. Первый их анализ был сделан М.Д. Хлобыстиной. Расположив ножи из случайных находок в ряд по степени их изогнутости, она предположила их развитие от форм с малыми углами к формам с большими углами. Самые изогнутые ножи, ложесоставные [ложно-] и коленчатые, она сочла наиболее ранними и вывела из коленчатых окуневских. Ножи слабо изогнутые и почти прямые отнесла к наиболее поздним, поскольку они по форме приближаются к ножам тагарской культуры, сменяющей карасукскую (310а; 320, с. 7). Н.Л. Членова, не разделяя мнения о местном происхождении карасукских ножей, относительно их датировки пришла к тем же выводам на основании их не только типологического, но и технологического изучения (320, с. 13). Поскольку коленчатые ножи были встречены в могилах лугавского типа, оба исследователя считают их древнее собственно карасукских. Этим, казалось бы, вполне логичным заключениям имеются, однако, серьёзные возражения, так как они противоречат огромному материалу, полученному Красноярской экспедицией, и периодизации культуры, сделанной на основе этого материала М.П. Грязновым. Экспедиция раскапывала карасукские могилы на 30 могильниках. Если С.В. Киселёвым учтены 250 могил, а Э.А. Новгородовой — 270, то экспедицией только на 3 из 30 раскапываемых могильников исследовано более 1000 могил. Наряду с типично карасукскими могильниками обнаружены нетипичные. Среди них есть похожие теми или другими чертами на лугавские (фёдоровские), и особую группу составляют могильники, почти аналогичные лугавским. Последние М.П. Грязнов назвал каменноложскими, по месту раскопанного им поселения у с. Батени в Каменном Логу. Различия между лугавскими и каменноложскими могилами прослеживаются в конструкции и обряде, иногда сильнее, иногда слабее, но вещественный материал в них одинаков. Сопоставив каменноложские могилы с ранними тагарскими, М.П. Грязнов нашёл сходство между ними в форме погребальных сооружений и керамики, а поскольку именно эти общие элементы получили своё развитие в дальнейшей тагарской культуре, он отнёс каменноложскую группу к позднему периоду карасукской эпохи. Но так как керамика и другие изделия почти

одинаковы в каменноложских и лугавских могильниках, М.П. Грязнов и последние датировал поздним этапом культуры. В результате сложилось общее мнение, что карасукская культура неоднородна и выделяется группа нетипичных памятников. Но одни связывают нетипичную группу с древним местным населением и считают её докарасукской или синхронной с карасукской, а другие видят в ней результат эволюции карасукской культуры, её поздний этап.

Периодизация М.П. Грязнова принята большинством исследователей, поскольку она отражает исторический переход от карасукской к тагарской культуре. Имеются убедительные доказательства в пользу позднего возраста нетипичных карасукских могил. Например, только в них и позже в тагарских могилах встречаются пряжки колесничего, заимствованные у племён северных китайских окраин. Но именно в одних комплексах с пряжками найдены карасукские коленчатые ножи. Значит, форма последних может быть не местной окуневской, а заимствована от привозных ножей, тем более что у окуневцев были не только коленчатые, но и прямые ножи. С каждым годом увеличивается число раскопанных нетипичных карасукских могил и подтверждается мнение М.П. Грязнова об отнесении основного числа их к позднему этапу карасукской культуры. Но всё же следует иметь в виду и другое. Каменноложский этап культуры пока выделен в общих чертах, нечётко и схематично, хотя новые характеризующие его элементы достаточно яркие. Они редко проявляются в том или ином могильнике в совокупности: новом обряде, посуде, вещах. Чаще же — в чём-либо одном. В этом сложность разделения карасукских памятников на этапы даже для самих авторов раскопок. В частности, Л.П. Зяблин, публикуя могильник Малые Копёны III, где ярко преобладают собственно карасукские черты, в целом отнёс его, по непонятной причине, к каменноложскому этапу (116). Н.Л. Членова лишь 2 памятника (20 могил) относит к особому типу (по её терминологии, «лугавской культуре»), а в серии других находит смешанные черты (320). В карасук-тагарских памятниках юга котловины, исследованных в последние годы, наблюдается наибольшее сходство с погребениями около улуса Фёдорова и существенное расхождение в обряде с чисто каменноложскими, при типологической близости инвентаря (232, с. 71). Видимо, в переходный карасук-тагарский период наиболее чётко отражены неоднородность населения Минусинской котловины, а также процесс нивелировки культуры и ассимиляции одних этнических групп населения другими. Следует признать, что этот период наиболее плохо изучен, так как мало раскопано могильников и большинство из них не опубликованы. Поэтому отнесение памятников к той или другой хронологической группе в данной работе, основанное, как правило, на мнении авторов раскопок, в дальнейшем в ряде случаев может быть изменено. Помимо Красноярской экспедиции в лице её сотрудников М.П. Грязнова, М.Н. Комаровой, Г.А. Максименкова и Э.Б. Вадецкой раскопки карасукских памятников произведены Н.В. Леонтьевым, Л.Р. Кызласовым, Н.Л. Членовой, Д.Г. Савиновым, Е.Д. Паульсом и др.

Собственно карасукские памятники раскапывались в 96 пунктах, представлены могильниками, 3 поселениями, медеплавильной печью. Раскопано около 1500 оград, содержащих свыше 1800 могил. 3 могильника раскопаны полностью или более половины: Малые Копёны III (136 к., 285 м.), Кюргеннер I-II (120 к., 180 м.), Сухое Озеро II (295 к., 560 м.).

Погребальные сооружения. Могильники разделяются на небольшие, состоящие из десятка или нескольких десятков оград, и очень крупные, насчитывающие сто и несколько сотен оград. Часто на тех же местах находятся тагарские кладбища. Используются в равной степени возвышенности и равнины, места близ рек и озёр и вдали от воды. Могильники широко распространены по котловине, за исключением её северной части (Ачинская лесостепь) и южной (Койбальская степь) — в предгорьях Джойского хребта. Ограды вокруг могил обычно квадратные, из тонких плит высотой меньше метра, площадью 15-25 м², реже круглые, не отличающиеся по внешнему виду от андроновских. Внутри оград выкопана, как правило, одна могила, реже — две. Ограды встречаются одиночные, с одной-двумя пристройками (рис. 6). Детские ограды пристроены к большим оградкам с могилами взрослых. На крупных могильниках иногда курганы состоят из ряда

последовательно пристроенных оград (до 12-18 пристроек). В этих системах оград преобладают четырехугольные оградки, сооружённые впритык к круглой центральной ограде. Характерный вид могил — каменные ящики из тонких плит, которые помещали на глубине не более метра, по размерам — для одного человека. В ранних могильниках встречаются ящики и цисты. Ящики в одних районах всегда трапециевидной формы, их стенки расширяются к изголовью, в других местах они прямоугольные. Ориентированы по линии З-В или ЮЗ-СВ. Ящики покрыты одной-двумя большими плитами или двумя-тремя среднего размера. Концы этих плит обычно оконтурены выкладкой в 2-3 слоя мелких плит. Подобные выкладки характерны и для андроновских ящиков. На нескольких могильниках встречены, видимо, зимние могилы. Они сложены из мелких плит прямо на поверхности, высотой менее метра. Их стенки выровнены лишь изнутри, а снаружи и сверху обложены плитами. Всё пространство внутри ограды покрывали выкопанной из ямы землёй, поверх которой делали насыпь из дёрна.

Погребальный обряд в классических карасукских могильниках однообразен. Хоронили обычно по одному человеку, в любое время года, но чаще, судя по соотношению могил разного типа, — в летний период. Мертвеца укладывали вдоль северо-западной стенки ящика в вытянутом положении на спине или левом боку со слегка согнутыми в коленях ногами. Часто его прислоняли к стенке, в этом случае он лежал как бы в пол-оборота. В северных и центральных могильниках покойники положены головой на СВ и В. Противоположная ориентация и положение редки. Но в южных районах часто встречается ориентировка на З и ЮЗ. Слева у головы мёртвому ставили 1-2 сосуда с напитками, а в ноги клали, как правило, на деревянном подносе, 4 куса баранины, реже говядины и ещё реже — конины. В редких случаях мясо клали около сосуда. Согласно ритуалу, клали определённые куски мяса — лопатку, ребра, бедро и большую берцовую кость. В разных кладбищах количество и состав кусков мяса индивидуальны, но кости никогда не дробили, тушу разделявали по сочленениям и мясо клали всем, даже мла-

Рис. 6. Карасукский могильник Кюргеннер I, к. 49.
Раскопки М. П. Грязнова (1965 г.).

денцам, не способным его потреблять (116, с. 33). Как правило, поверх костей животных лежит конец лезвия ножа и очень редко — целый нож. Других вещей не клали, но

хоронили в одежде с большим количеством украшений, особенно женских. Украшали волосы, шею, руки, уши, пальцы, нагрудники и обувь. При похоронах устраивали тризны и остатки шкур заколотых и съеденных животных клали в особых местах кладбища; в частности, на могильнике Сухое Озеро II в специальной ограде накопились остатки более 40 конских шкур.

Одна постоянно встречающаяся деталь, видимо, связанная с похоронным ритуалом, пока ещё не нашла объяснения. Около могилы либо с восточной стороны ограды, а один раз в заполнении могилы встречены пустые сооружения из трёх вкопанных плит — миниатюрные «треугольники». Возможно, они связаны с жертвоприношениями. А.Н. Липский высказал предположение, что в этих миниатюрных оградках хоронили пуповину рождённых детей, так как широко известен обычай их хранить и даже носить при себе. В частности, многие азиатские женщины носили на одежде или вплетали в косы кожаные мешочки, в которых зашивали высушенные пуповины рождённых ими детей. Например, в Горном Алтае каждая женщина пришивала к поясу столько мешочков, сколько у неё детей, и на каждый мешочек нашивала раковину каури. В одной из треугольных оградок, но большего размера, чем миниатюрные, А.Н. Липский обнаружил скелет ребёнка в сидячем положении (190, с. 121-122), Вообще же детей хоронили в маленьких ящиках внутри оград со взрослыми либо в специальных квадратных пристройках. Их клали на спину или левый бок.

Памятники каменноложского этапа, т.е. специфические карасукские могилы и поселения, выделенные М.П. Грязновым, раскапывались в 46 пунктах. Источники представлены 2 кладами, 6 поселениями, поминальным сооружением, могильниками или отдельными могилами. Всего на них раскопано 86 оград, содержащих около 250 могил.

Погребальные сооружения. На севере котловины (Ачинская лесостепь) могильники пока не найдены, но в большом количестве сконцентрированы на юге. По размерам они соответствуют малым карасукским, состоящим из нескольких десятков оград и меньше. Самый крупный могильник — 33 кургана, 44 ограды, содержащих 54 могилы, — раскопан полностью (Карасук IV). Отдельных кладбищ мало, чаще каменноложские ограды расположены среди карасукских или раннетагарских. Ограды квадратной формы, аналогичные карасукским, но бывают и круглые. Дерновые насыпи внутри них ниже оград. Чтобы ограды не разваливались, их иногда подпирали плитами, поставленными перпендикулярно насыпи (контрфорсами) с внешней стороны стенок, по углам и посередине. На юге Хакасии по углам ограды имеют угловые камни, как в последующую эпоху. Ограды обычно не имеют пристроек, редко — одну, с детской могилой. В оградах выкопана одна могила, большее число могил встречается как исключение. Конструкции могил разнообразнее карасукских: ящики, ямы, срубы. Выкапывали неглубокую яму по росту человека, в нее ставили каменный ящик прямоугольной формы, но изредка сохранялась трапецевидная форма. Ящики закрывали плитами либо жердями или тонкими брёвнами, иногда плиты укладывали поверх жердей. Не меньшее распространение получил обычай хоронить в совсем не укрепленных ямах либо на их дно ставить бревенчатый сруб в 1-2 венца. Дно ям обкладывали корой. По-прежнему в зимнее время складывали каменные гробницы прямо на поверхности, а в одном случае (Мочажная) они, видимо, были сложены из дерева и дёрна. В целом для разных районов характерен тот или другой вариант погребальных камер, но на некоторых могильниках встречаются несколько вариантов.

Погребальный обряд мало изменяется по сравнению с собственно карасукским. В северных и центральных районах мертвеца по-прежнему укладывали на спину или чуть повернутым на левый бок, головой на СВ. На юге (под г. Минусинском) чаще придавали вытянутое на спине положение, ориентируя головой на ЮЗ и З. Исключение составляют несколько могил, где покойники предположительно лежали на спине, с согнутыми в коленях ногами. У головы погребённого ставили сосуд, по-видимому, с напитком, а в ноги клали мясо овцы, реже коровы. На юге, в могильниках Койбальской степи, второй сосуд находился в ногах, что в дальнейшем стало принято у тагарцев (232, с. 71). Оружия и

орудия в могилы не клали, за исключением редких ножей. Хоронили в одежде, по-прежнему богато украшенной, хотя несколько изменился характер украшений. В частности, определенной категории покойников на грудь прикрепляли крупную круглую бляху, на пояс других — по-видимому, колесничих — массивную бронзовую пряжку наподобие модели ярма. На двух могильниках встречены своеобразные поминальные сооружения. Это каменные выкладки, круглые или квадратные, пристроенные к могилам. Под ними черепки сосудов, кости животных, угли и случайно попавшие вещи (Барсучиный Лог, Устинкино). В стороне от могил у с. Устинкино было 10 ям, глубиной 60-70 см, в заполнении которых находились обломки посуды, кости животных, угли, а на дне — плиты со следами рубки на них, очевидно, мяса. По-видимому, это было место приготовления поминальной пищи. На том же могильнике у основания специально вкопанной плиты захоронен череп быка с сосудом — пережиток древней окуневской традиции (272, с. 239-240). Новым для обряда являются сопроводительные захоронения собак, получившие распространение в последующие эпохи. На могильниках пока не найдены остатки шкур жертвенных животных, но находки на поселении Каменный Лог позволяют считать сохранившимся обычай их где-то выставлять и хранить. Так, у входа в землянку в особой яме были, видимо, закопаны 4 конские шкуры, а на кровле землянок на шестах, очевидно, выставляли черепа комолых коров (ЛОИА, ф. 35, оп. 1, кп 2531, с. 90).

Оружие и орудия труда. К оружию предположительно относят кинжалы трёх групп: безэфесовые, с едва намеченным перекрестием и выемчатоэфесовые. Они известны по случайным находкам и считаются карасукскими по сходству орнамента и формы наверший с карасукскими ножами. На поселении Каменный Лог найдено бронзовое литое копье с длинной прорезью вместо втулки (табл. V, Б, 28). Редки находки наконечников стрел, застрявших в теле убитых. Одни из них кремнёвые, листовидной формы, с чуть изогнутым основанием (табл. V, А, 26; Б, 24), другие — костяные, втульчатые, с ромбическим сечением (227, рис. 35). Найдено 2 бронзовых трёхгранных черешковых наконечника (Кривая VI). Орудия труда представляют бронзовые ножи или концы их лезвия, отличающиеся разнообразием форм и орнамента. Особенно много их среди случайных находок. Среди ножей имеются коленчатого типа, когда лезвие образует с рукояткой тупой угол, дугообразно изогнутые и почти прямые. В могилах преобладают ножи с чуть изогнутым обушком, характерные для собственно карасукского периода (табл. V, А, 19, 20). Ножи другой формы единичны и пока найдены лишь в каменноложских комплексах (табл. V, Б, 23, 27). Вполне возможно, что ножи были разного назначения. Крупные могли применяться как оружие, маленькие изогнутые (рукодельные) — в быту, для выкраивания из кожи и материи тех или иных частей одежды для костюма или при тиснении орнамента на коже и берёсте. Единственный ложносоставной нож определён А.Н. Липским как скребло для деревообработки (табл. V, Б, 26). Видимо, особую группу хозяйственных ножей для разрезания мяса изготавливали из обломанных клинков, крепившихся к деревянной или костяной ручке. В могилах найдены только с деревянными ручками (со следами дерева на клинке), но целый небольшой нож с костяной рукояткой найден на позднекарасукском поселении у оз. Ашпыл в 1984 г. Клинок дл. 6.3 см вставлен в костяную ручку дл. 6 см. Этот нож напоминает прямые окуневские ножи. Известно 2 кельта. Один — так называемый пещерный (табл. V, А, 22). Сохранившаяся часть деревянной рукоятки вставлялась перпендикулярно лезвию. Кельты этого типа использовались и как тёсла. Второй кельт клиновидный, с прямоугольным сечением по горизонтали (186, рис. 28, 1). Встречаются шилья, иглы, проколки. Шилья имеют вид медных или бронзовых двухконечных острых стерженьков с квадратным сечением. Они, видимо, имели деревянную рукоятку. Бронзовые и костяные иглы с ушком на тупом конце, они иногда находятся в медном игольнике. Проколки, сделанные из грифельных костей, также иногда лежат в костяных футлярах. Среди единичных находок известны: костяные проколки с изображением головы животного, каменные точильные бруски, костяное навершие из рога, аналогичное афанасьевским, крепившимся на палку (табл. V, А, 23-25).

Посуда. Собственно карасукская и каменноложская посуда различается технологией, формой, орнаментом. Карасукские горшки лепили из нескольких глиняных лент, а затем стенки проколачивали со всех сторон лопаткой на округлой наковальне. Стенки от этого

получались плотные, прочные, тонкие, но равномерной толщины, а сам сосуд приобретал форму округлых очертаний в виде сплюснутого и вытянутого шара. Если требовалось плоское дно, то нижнюю часть сосуда уплощали. Большая часть сосудов залощена до блеска и имеет чёрную или жёлтую либо красноватую поверхность (ЛОИА, ф. 35, оп. 1, кп 2531, л. 37). Выделяются 2 группы сосудов: совсем не орнаментированные или имеющие простой орнамент ниже венчика в виде ямок и желобков; богато орнаментированные узорами в виде рядов ромбов, сложных треугольных фестонов, зигзагов, заштрихованных треугольников (табл. V, А, 27). Комбинации элементов разнообразны, и одинаково орнаментированных сосудов почти нет. Орнамент нанесён плоским, реже зубчатым штампом, много резных, прочерченных. Сосуды с разными типами орнамента (простым и сложным) находятся в одних могильниках и

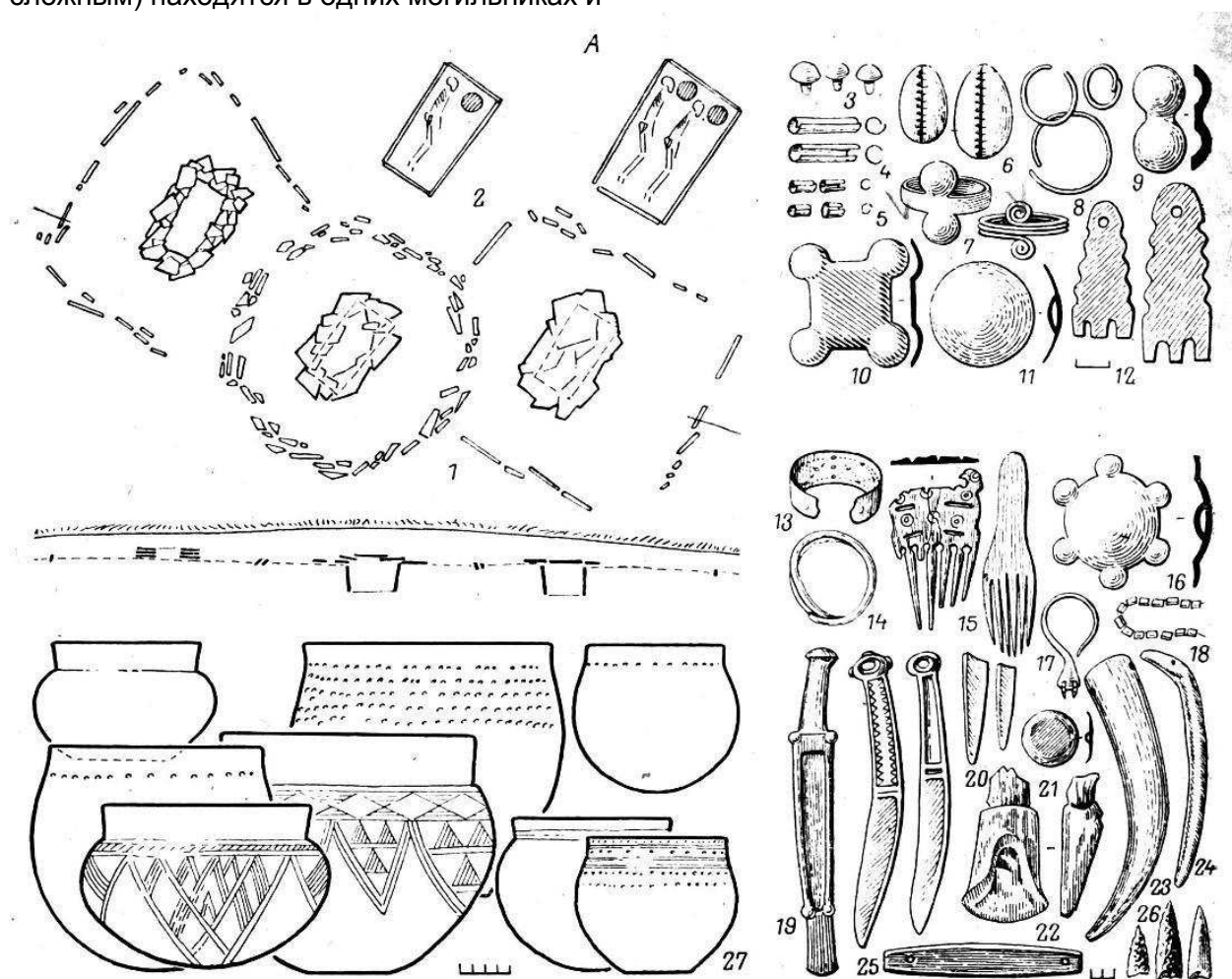

Табл. V. Карасукская культура.

А — карасукский этап: 1 — план ограды; 2 — виды могил; 3—14, 16—18, 21 — украшения; 15 — гребни; 19, 20, 22, 25 — орудия труда; 23 — навершие посоха; 24 — проколка с головой животного; 26 — наконечники стрел; 27 — керамика.

даже могилах. В эту же группу входят лощёные сосуды со сложными узорами, заполненными белой пастой. Они очень напоминают казахстанские, типа дандыбай-бегазинской культуры.

На каменоложском этапе сосудов карасукских форм становится меньше, а больше круглодонных удлинённых, яйцевидных. На некоторых сосудах кольцевым налепом сделан поддон. Каменоложские сосуды по сравнению с карасукскими изготовлены небрежно, имеют прямые или почти прямые венчики и толстые стенки. Сложные орнаменты встречаются редко. Основная масса посуды украшена лишь по венчику узким пояском из чёрточек, реже пересекающихся в виде сетки штрихов. Иногда небрежно прочерчены бороздки, ромбы, зигзаги, «ёлочки» (табл. V, Б, 33). Изменения в керамике происходят постепенно, и есть значительная серия сосудов переходной формы — ещё карасукских, но уже приближающихся к каменоложским.

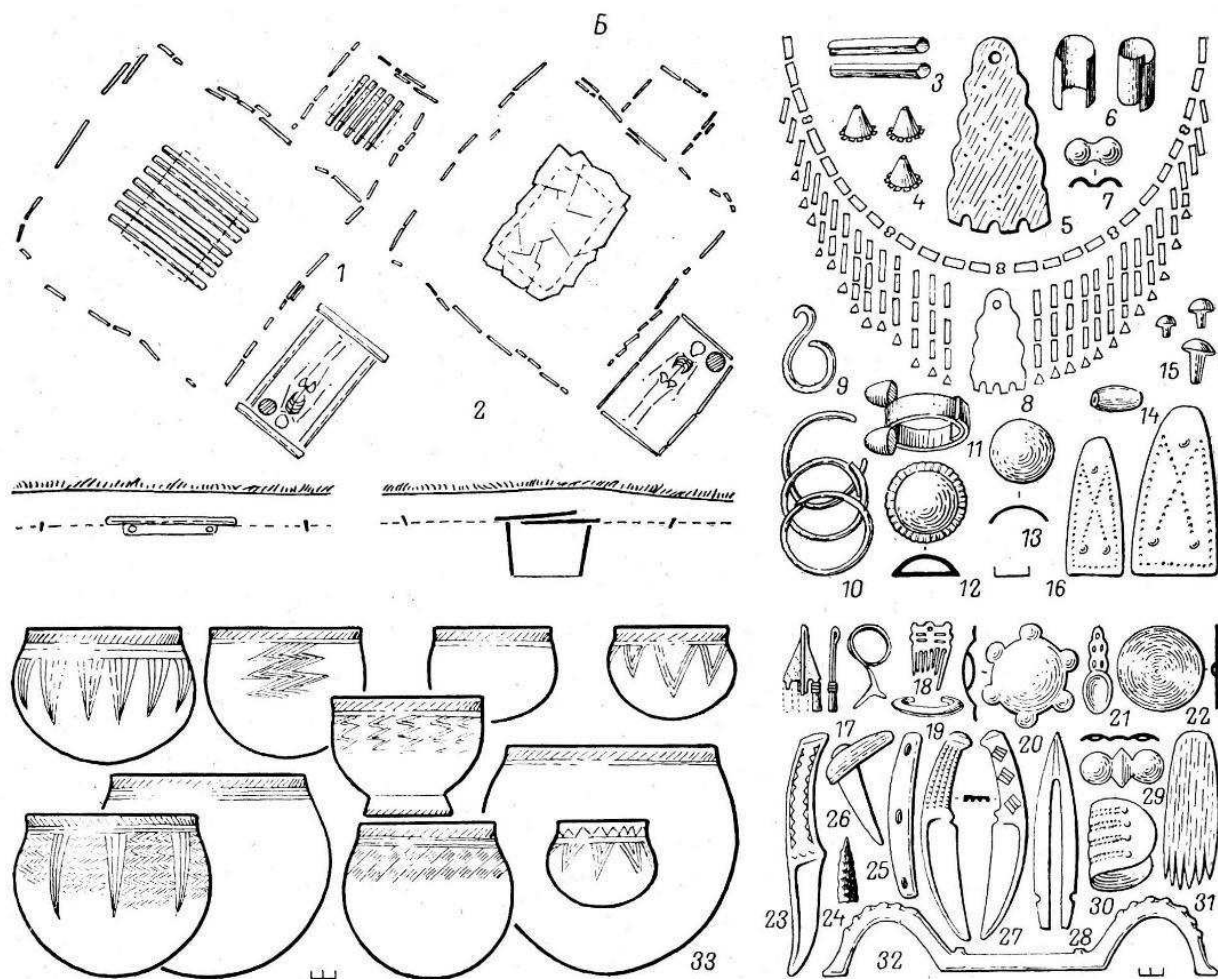

Табл. V (продолжение).

Б — каменоложский этап: 1 — планы оград; 2 — виды могил; 3—17, 19, 20, 22, 29, 30 — украшения; 18, 31 — гребни; 21 — костяная ложечка; 23, 25—27 — орудия труда; 24, 28 — оружие; 32 — пряжка колесничего; 33 — керамика.

Деревянная посуда не сохранилась, но, судя по форме двух глиняных сосудов, в быту употребляли бадейки, похожие на андроновские (227, рис. 2, 9).

Искусство. Композиция орнамента посуды и его элементы, видимо, по-прежнему повторяли узоры на одежде и орнаменты на бытовых предметах типа бадеек и шкатулок. Простыми орнаментами украшали ножи, кинжалы, кельты. Рисунки составлены из выпуклых точек, линий, квадратиков, валиков с насечками, рядов вдавленных треугольников. В то же время рукояти ножей и кинжалов стали украшаться скульптурными головами горных козлов, баранов, лосей. Изделия художественных бронз индивидуальные, отливались в сложных многосоставных литейных формах.

Среди минусинских наскальных изображений пока условно выделяются два пласта карасукских рисунков. На одних животные изображены в манере, сходной с окуневской. На других изображения людей и животных схематичны и геометризваны. В нескольких могильниках найдены рисунки, выбитые на плитах, использованных для ящика-гроба. Изображены люди, лошади, повозки. Стиль изображений схематичен и очень отличен от реалистических высокохудожественных литых наверший бронз.

Украшения и детали одежды. Наибольшую серию находок составляют украшения для головы, нагрудников, обуви, а также серьги, ожерелья, браслеты и перстни. Одни и те же пронизки, колечки и заклёпочки применялись как части сложных украшений разного вида. Женщины и дети вплетали в волосы бронзовые височные проволочные кольца разного диаметра, от 1 до 5 с каждой стороны (табл. V, А, 8; Б, 10). К височным кольцам иногда крепились дополнительные украшения: низки бус, состоящие из имитаций раковин каури, пастовых бусин, круглых бронзовых бляшек и трубочек-пронизок. Цепочкой из 5-7 колец, с несомкнутыми концами, украшали лоб (Солёноозёрная IV). На концы цепочек нанизывали

бронзовые пронизки в виде трубочек либо у висков к ней крепили дополнительные кольца или лапчатые подвески (Аскиз III). Лапчатые подвески являлись самыми оригинальными украшениями, имели разнообразное применение: в косах, ожерельях, нагрудниках и даже обуви. Это литые пластинки с тремя лапками на концах и волнистыми краями (табл. V, А, 12; Б, 5). Их вплетали в косы по 1-2, а чаще по 6-8 штук. Вплетали одну над другой, а на концах косы — пучком. В каменноложский период лапчатые подвески для кос заменялись треугольными бляшками, покрытыми пунктирным орнаментом (табл. V, Б, 16). Серьги одевали на каждую ушную раковину, по одной либо по две. Они разнообразные. Известны 2 серьги в виде крупного кольца с петелькой, на которой прикреплена каменная подвеска с изображением человеческого лица. К одной подвеске прикреплена низка из 3 бронзовых и 6 пастовых, бусин (Черновой Лог I). Обнаружены серьги в виде большого кольца с несомкнутыми концами, один из которых заканчивается бубенчиком (118, с. 21) либо тремя шпеньками. К последним крепились низки бус, состоящие из пронизок, пуговицы, 2 многоярусных бляшек и 2 литых браслетов с 7 выступами (231). Наконец, найдена S-образная серьга со стеатитовой бусиной (Фёдоров) (табл. V, А, 17; Б, 9, 17). Браслеты носили на запястье и предплечье. Они трёх видов. Наиболее просты проволоочные, в 2.5 оборота (табл. V, А, 14). Самые распространённые — пластинчатые, узкие и широкие с точечным орнаментом, выбитым чеканом изнутри (табл. V, А, 13; Б, 30). Изображены крестообразные фигуры, ромбы, зигзагообразные линии. Браслеты массивные (литые) редки (табл. V, Б, 19). Орнаментированы выпуклыми кружками, квадратами, розетками. Перстни носили на пальцах обеих рук. Ими служили маленькие спиральные колечки, но были и литые перстни с двумя конусами или круглыми бляшками (табл. V, А, 7; Б, 11). Перстни сплошные, а также с несомкнутыми концами, где имеются шпеньки и отверстия для запора. Для ожерелья и вышивки нагрудников, реже других частей платья, использовались в большом количестве каменные, бронзовые и пастовые бусины и пронизки, а также перламутровые раковины либо имитации раковины *Surgaea moneta* (каури) (табл. V, А, 4, 6, 18; Б, 3, 4, 14). Так, для одного нагрудника использованы 106 пастовых бусин (Карасук I, к. 19), для другого — 164 каменных (Карасук I, к. 48, м. 5), для третьего — 126 аргиллитовых, цилиндрических и круглых (Карасук I, к. 43, м. 6). Не менее часто употреблялись бронзовые скобообразные обоймочки (табл. V, А, 5; Б, 6). 76 обоймочек украшали 8 горизонтальных ремешков, нашитых на «нагрудник» взрослого покойника у д. Быстрая. В определённом порядке, рядами были нашиты пластинчатые накладки и парные бляшки — видимо, на подоле курточки ребёнка. 5 ремешков, обложенных обоймочками, и крупная центральная медная бляха составляли украшение женского нагрудника у р. Бея. Нагрудные бляхи бывают фигурные и круглые — так называемые зеркала (табл. V, А, 10, 11, 16; Б, 20, 22). Ожерелья изготовлены из однородного и разнородного материала, в виде низки бус, а также комбинированные. Простое комбинированное включало 6 бронзовых пронизок, расположенных вокруг лапчатой подвески (Подсиняя II). Сложное ожерелье представляло собой ремешок, обложенный бронзовыми обоймочками, к которому прикреплены 30 низок из трёх бронзовых пронизок, заканчивающихся треугольной подвеской. В середине ожерелья между пронизками помещалась крупная лапчатая подвеска (табл. V, Б, 8). Характерным украшением одежды являлись круглые медные бляшки, состоящие из 1 и 2-4 выпуклостей. Их называют ярусными, спаренными, бляшками-двойчатками, тройчатками и т.д. Прикреплялись они к петлям, расположенным с обратной стороны, или просто нашивались через отверстия, пробитые по краям (табл. V, А, 9; Б, 7, 13, 29). Позже стали чаще делать треугольные нашивки с пунктирным орнаментом. Найдены мелкие литые круглые бляшки с дужкой на обороте (табл. V, А, 21; Б, 12). Условно их называют пуговицами, однако употреблялись ли они как застёжки, пока не выяснено. К редким находкам относятся костяные гребни и так называемые предметы неизвестного назначения (табл. V, А, 15; Б, 31, 32). Последние представляют собой массивную литую широкую прямоугольную пластину с отходящими от нее двумя симметричными дугами. Центральная пластина имеет приспособления для крепления. Внешне эти изделия напоминают ярмо. Их находят в области пояса мужских скелетов в каменноложских и раннетагарских могилах. В собственно карасукском могильнике это изделие случайно встречено лишь однажды (Медведка). О семантике предметов высказано много разных догадок. Вероятнее всего, они входили в комплект снаряжения воина-колесничего и

крепилась к поясу как пряжка. Центральная пластина защищала живот воина, а к изогнутым дугам он прикреплял поводья, чтобы освободить руки во время боя (185; 66).

О самой одежде почти ничего не известно. Видимо, нижняя одежда была шерстяной, так как найден обрывок ткани простого переплетения, а второй — в рубчик («диагональ») (132, с. 83). Примечательно, что украшалась даже обувь. Её отделывали маленькими бронзовыми заклёпками в виде гвоздя — очевидно, вбивали острую часть «гвоздика» (табл. V, А, 3; Б, 15). Голенища стягивали ремешками и шнурками. Иногда на эти шнурки нанизывали бронзовые пронизки либо подвешивали лапчатую подвеску (Лысуха I).

Поселения, хозяйство. Раскопки производились на 7 поселениях, преимущественно каменноложских. На 3 поселениях (Каменка IV, Тепсей XII, Лугавская II) жилища представляли собой небольшие полуземлянки прямоугольной формы, глуб. до 1 м. Пол был обмазан глиной, стены укреплены деревом. Внутри жилищ находились хозяйственные ямы и очаги. Керамика жилищ того же типа, что и в могилах. В заполнении ям обнаружены кусочки медного шлака и грузила. 4 поселения состояли из 3-6 жилищ в виде крупных прямоугольных полуземлянок с опорными столбами для кровли. Стены сооружены из брёвен, глины и плит. (Устинкино II, Каменный Лог I, Тунчух, Сидорин Ложок). Одно поселение окружено низким валом. Наибольшие работы произведены на поселении Каменный Лог I, состоящем из шести зимних домов, имевших снаружи вид земляных холмов. Это были просторные прямоугольные землянки, площ. 100-200 м², вырытые на глуб. до 1.5 м. Купольная или пирамидальная кровля сверху была покрыта толстым слоем вынутой из котлована жилища земли, посередине крыши имелось светодымное отверстие, служившее в морозные дни также и входом. Но имелся и другой вход, вырытый сбоку в земле. Реконструкция внешнего вида жилища сделана М.П. Грязновым по аналогии с подземными домами палеоазиатов (ЛОИА, ф. 35, оп. 1, кп 2531, л. 36) (в таких жилищах в зимнее время, помимо людей, помещали скот). Вдоль стен землянок были устроены деревянные нары. Две землянки Каменного Лога I располагались попарно и соединялись друг с другом проходом. Меньшее помещение не имело выхода и могло служить кладовой для запасов. В середине землянок имелось несколько очагов, служивших для приготовления пищи и обогрева помещения. Кроме них, обнаружены десятки ямок, заполненных костями животных, черепками посуды, вещами. Найдены обломки зернотёрок, скрёбла, колотушки, обломки глиняных литейных форм, костяные наконечники стрел, тупики из челюстей животных, а также разные незаконченные изделия. Находки показывают, что обитатели каждого дома занимались здесь же отливкой бронзовых изделий, трепали растительное волокно (крапиву, коноплю, кендырь), сучили пряжу, шили одежды, изготавливали орудия и инструменты. Наряду с бронзовыми орудиями продолжали употребляться каменные. Керамика жилищ не отличалась от той, что найдена в могилах каменноложского этапа (120, с. 182). Показателен состав костей животных из землянок. Остатков крупного рогатого скота найдено столько же, сколько мелкого рогатого скота и лошадей вместе взятых (109, с. 106). Такое же соотношение костей встречено и на других поселениях. Значит, в стаде у карасукцев преобладал крупный рогатый скот. Последнее обстоятельство позволяет пересмотреть сложившееся мнение о переходе карасукцев от осёдлой пастушеской системы хозяйства к полукочевой-яйлажной, при которой каждая община после окончания весенних полевых работ перемещалась со своим скотом в открытую степь на летние пастбища, а осенью возвращалась обратно; по-видимому, продолжалась пастушеская система. Мест, не пригодных для зимнего выпаса скота, в котловине немного, но всюду поблизости есть небольшие межгорные долины и бесснежные склоны, а в поймах Енисея и его степных притоков — обширные заросли ириса, служившие зимним кормом скоту (116, с. 35). Мало и таких мест, где летом бывает недостаточно травостоя. Ограниченные размеры самой котловины и состав стада свидетельствуют о возможных перемещениях с ним лишь на небольшие расстояния. Кроме того, скот разводили главным образом для получения молока и молочных продуктов, поэтому за ним следили все жители поселка. Что касается коневодства, то оно, видимо, по-прежнему имело главным образом мясное значение, в то же время лошадь наряду с быком становится и транспортным животным. Среди карасукских петроглифов есть изображения лошадей, тянущих повозки (185, рис. 2, 3), а среди находок — костяные

трёхдырчатые псалии, свидетельствующие об использовании коня под верх (Устинкино I, Каменный Лог I). Однако покойникам чаще клали мясо овцы, реже — коровы, лошади, козы. Видимо, овца предусматривалась ритуалом захоронения, возможно, в силу того, что её было легче вырастить и овечье стадо воспроизводилось значительно быстрее, чем коровье. В могилах нет зубов, клыков или костей диких животных (кроме косули). Единичны они и на поселениях, где преобладают кости косули и благородного оленя (109). Очевидно, охотились мало и ради мяса, а не пушнины. Косвенным свидетельством наличия земледелия являются лишь обломки зернотёрок, однако они могли служить, как и ранее, для размола дикорастущих злаков.

Социальные отношения. Хотя карасукских могил раскопано очень много, однако из-за сплошного их ограбления антропологического материала сохранилось сравнительно мало. Напомним, что ящики были неглубокие и покрыты незначительными земляными холмиками, которые быстро расплывались, после чего на поверхности видны были очертания ящика либо плиты покрытия, поэтому грабить их было легко. Грабители часто сдвигали лишь одну плиту над головой, чтобы извлечь медные и бронзовые изделия. Ограбление производили, видимо, последующие племена — тагарцы. Они устраивали свои кладбища вблизи карасукских, а иногда своих соплеменников хоронили в карасукских ящиках, выбросив кости ранее погребённого.

Половозрастные определения погребённых из новых могильников не опубликованы, поэтому новые материалы лишь незначительно расширяют представления об обществе, сложившиеся при С.В. Киселёве. Детская смертность, возможно, была не столь высока, как раньше. В частности, в могильнике Малые Копёны III дети составляли лишь половину общего числа погребённых. Могильники являлись родовыми кладбищами, поскольку все погребённые находились в определённых родственных отношениях, в формальном или фактическом родстве (116, с. 20). Большая ограда с пристройками составляла, очевидно, захоронение семьи. Родство по мужской линии приобретало всё большее значение. Кроме могил с парными захоронениями, встречены так называемые семейные — 2 ящика, расположенные очень близко друг к другу, либо 1 крупный, разделённый плитами пополам. В каждом отсеке похоронены разнополые покойники, ящик или ящики покрыты одной плитой. Появляются курганы выделявшейся семейной или родовой знати, отличающиеся от основной массы устройством и размерами. Насыпь доходила до 1 м выс., и круглая ограда имела диам. 9-11 м, в то время как остальные — небольшие квадратные ограды — еле возвышались над поверхностью земли. Часто именно к такой круглой ограде пристроено много дополнительных, внутри же ограды в обширном ящике содержится погребение мужчины, которому поставлены 2-3 сосуда (а не один), причём лучшей выделки и с богатым орнаментом. Все могилы ограблены, поэтому иные отличительные признаки не известны.

Наиболее монументальный курган (р. Бея), сооружённый, видимо, для вождя рода или племени, стоял вдали от остальных (С.В. Киселёв, 1936 г.). Он имел ограду диам. 30 м и внутри неё — ящик, 300×300 см, содержащий разграбленное мужское погребение, уникальный кельт в кожаном футляре и шило в шерстяном мешочке. Имущественная дифференциация рядового населения, как правило, не проявляется, но есть некоторые основания предположительно выделить могилы жрецов и колесничих. В могилах исполнителей культа на груди покойников (чаще покойниц) подвешены на ремешках крупные медные диски (диам. около и более 10 см). Они служили, видимо, амулетами-зеркалами. Сопоставление подобных дисков с атрибутом гольдского (нанайского) шамана «толи» в виде медного или бронзового гладкого диска позволило А.Н. Липскому высказать предположение о наличии шаманства у карасукцев. Известные по этнографии диски служили не только атрибутом шаманов, но и оберегом вообще. Поэтому крупные диски надевали на шаманские нагрудники, а в уменьшенном размере одевали или нашивали не только на них, но и на обычные костюмы, даже детские (193). Видимо, так же в принципе поступали и древние жители Енисея, на костюмах которых, помимо крупных дисков, иногда находят небольшие «зеркальца» с петелькой на обороте.

В могилах колесничих найдены массивные поясные пряжки наподобие ярма. Пряжки всегда лежат возле пояса рядом с ножом. Как уже говорилось, они являлись, видимо, атрибутом колесничего и вместе с ножом прикреплялись к поясу. Других отличий в предполагаемых могилах исполнителей культа и колесничих от рядовых захоронений не наблюдается.

Происхождение. Этот вопрос решается в зависимости от представлений о характере исторического процесса в целом. Сторонники последовательной смены минусинских культур считают, что карасукская культура явилась завершением естественного исторического развития предшествующей, андроновской (ЛОИА, ф. 35, оп. 1, кп 2531, л. 77). Сторонники возможности длительного сосуществования на Енисее разнокультурных племён объясняют появление карасукской культуры приходом нового населения, распространившего среди местного населения (потомков афанасьевцев и окуневцев) новую культуру. В пользу местной основы карасукской культуры говорят её связи с андроновской и окуневской. Это прослеживается на археологическом материале в конструкции погребальных сооружений, обряде, орнаментации керамики, а на антропологическом — в сложном составе карасукского населения, среди которого были, в частности, потомки андроновцев и окуневцев. В то же время объяснение появления новой культуры внешним импульсом оправдано несколькими обстоятельствами: наличием не имевшей местных корней инкрустированной керамики, новыми формами украшений и ножей, а также новым в целом типом населения. Инновация указывает как на западные, так и на восточные связи. Керамика с инкрустацией белой пастой известна к юго-западу от котловины, в Казахстане и Средней Азии, а также в Западной Сибири. Часть карасукских украшений имеют прототипы в андроновской культуре, а также в еловских комплексах Западной Сибири. Это браслеты, перстни, бусины, бляшки, пуговицы, височные кольца (227, рис. 42; 149, рис. 59). Другие украшения подобны известным в Забайкалье, Монголии (многоярусные бляшки, лапчатые подвески) и даже Китае (имитации раковин каури) (227, рис. 44, 45). Поскольку близкие формы ножей одновременно встречены на Алтае, в Западно-Сибирской лесостепи, Монголии и Ордосе, их распространение на Енисее может быть объяснено конвергентным развитием, однако поясные пряжки (атрибуты колесничего) имеют не только внешнее сходство, но и общую семантику с известными в Северном Китае, в то время как в Западной Сибири они практически отсутствуют. Найден 1 экземпляр аналогичного изделия (Томский могильник).

Возможность этнических западных связей карасукской культуры с Казахстаном через Западную Сибирь получает подтверждение при изучении физического типа карасукского населения, так как наиболее чёткие аналогии тип карасукского населения имеет в Средней Азии среди брахикранных европеоидных групп, объединяемых под названием памиро-ферганской расы. С другой стороны, несмотря на археологические находки, антропологические материалы не позволяют говорить о каких-либо значительных этнических передвижениях из Центральной Азии или Северного Китая (18, с. 38). Поэтому наряду с концепцией С.В. Киселёва, поддержанной Э.А. Новгородовой, о приходе карасукцев с юго-востока существует мнение об их передвижении из Казахстана, но через Саяны (227; 320).

Таким образом, вопрос о происхождении карасукской культуры или культур карасукского типа очень сложен. Для Минусинской котловины он осложняется ещё тем, что здесь карасукская культура складывается, с нашей точки зрения, из нескольких местных и пришлых компонентов, и время её сложения совпадает с освоением конных троп через Саяны, положивших начало торговым путям и культурным связям минусинского населения не только с западными, но и с южными соседями.

Так или иначе наиболее ошутим андроновский компонент культуры. Сходство между андроновской и карасукской культурами практически отмечают все исследователи. Действительно, круглые карасукские ограды, например, совершенно не отличаются от андроновских. Конкретные сопоставления комплексов сделаны М.П. Грязновым, М.Н. Комаровой, Г.А. Максименковым. М.Н. Комарова при анализе андроновского и

карасукского могильников близ улуса Орак выявила ряд типов андроновских изделий и композиционных приемов в орнаменте сосудов, продолжавших бытовать в карасукское время (142, с. 92-93). Г.А. Максименков пришёл к выводу, что в керамике и обряде погребения у карасукцев имеются несомненные андроновские черты (202, с. 110-119). Ещё раньше на это указывали И.П. Кузнецов-Красноярский, С.А. Теплоухов, С.В. Киселёв, Э.Р. Рыгдылон, а М.П. Грязнов отметил андроновские черты в карасукское время в обряде, керамике, кельтах и некоторых украшениях на территории не только Минусинской котловины, но Верхней Оби и Центрального Казахстана (84, с. 37-38). Преемственность между носителями обеих культур, с нашей точки зрения, проявляется и в некоторых общих чертах погребального ритуала. Реконструкция их даёт следующую картину. Карасукцы, как и андроновцы, устраивали похороны в любое время года: клали летом мёртвых в подземные сооружения, а зимой — в наземные, причём горшки с напитками ставили около головы мертвецов. После похорон устраивали поминки, развешивали шкуры съеденных лошадей, а потом зарывали их тут же, на кладбище.

Но одинаковые элементы могут отражать как генетические связи культур, так и контакты, при условии их сосуществования. Последнее нельзя исключать, так как карасукские могилы никогда не перерезают андроновские и, следовательно, в принципе они могли быть одновременными или даже иметь обратную последовательность. Однако два обстоятельства позволяют всё же предполагать, что культуры длительно не сосуществовали, а карасукская выросла на основе андроновской. Во-первых, несомненно, существовало лишь одностороннее влияние андроновской культуры на карасукскую (201). Во-вторых, по нашим наблюдениям, планировка совместных андроновско-карасукских могильников показывает, что карасукское население сооружало курганы в непосредственной близости, почти вплоты к андроновскому кладбищу, т.е. карасукские кладбища как бы продолжают андроновские. О том же свидетельствуют и переходные андроновско-карасукские могилы, пока, правда, единичные (320, с. 35).

Разделяя мнение о наличии генетической связи между андроновцами и карасукцами, следует признать, что всё же многие элементы новой культуры нельзя вывести из андроновской. Таковы формы ножей и их оформление скульптурными головками животных, сосуды, орнаментированные одним пояском простых узоров или, наоборот, богато орнаментированные и инкрустированные белой пастой. Требуется объяснения четырёхугольная (а не круглая) форма оград и разнообразная, в отличие от андроновских, ориентировка погребённых, чаще головой на В. Некоторые из этих элементов, характерные для окуневской культуры, могли быть заимствованы из неё, тем более что несомненная генетическая близость между окуневским и карасукским населением установлена также антропологами, и, следовательно, первые, как и андроновцы, видимо, принимали участие в сложении карасукской культуры (267). Наиболее отчётливо окуневское влияние сказалось на карасукских фигурных бронзах. Для обеих культур характерна реалистическая манера изображения животных, чаще одних голов. Напомним, что окуневские каменные антропоморфно-зооморфные изображения длительное время относили к карасукской эпохе (132, с. 97), и в самом деле — они выглядят прототипами карасукских фигурных бронз. Есть сходство и в орнаментации сосудов, но оно менее отчётливо. Тем не менее имеется группа «промежуточных» (по форме и орнаменту) сосудов (321, рис. 3). Прослеживается безусловное единство элементов орнамента, с той лишь разницей, что окуневцы орнаментировали горшок полностью, а карасукцы — чаще в виде одного пояса вдоль венчика. Но сам пояс вдоль шейки представляет то же, что и на окуневских: мотивы из желобков, насечек, рядов или групп ямок, «ёлочек», зигзагов, комбинации ямок и желобков (см. табл. X). Как уже указывалось, определённое сходство прослеживается в погребальных сооружениях — четырёхугольные ограды, неглубокие каменные ящики, закрытые плитами.

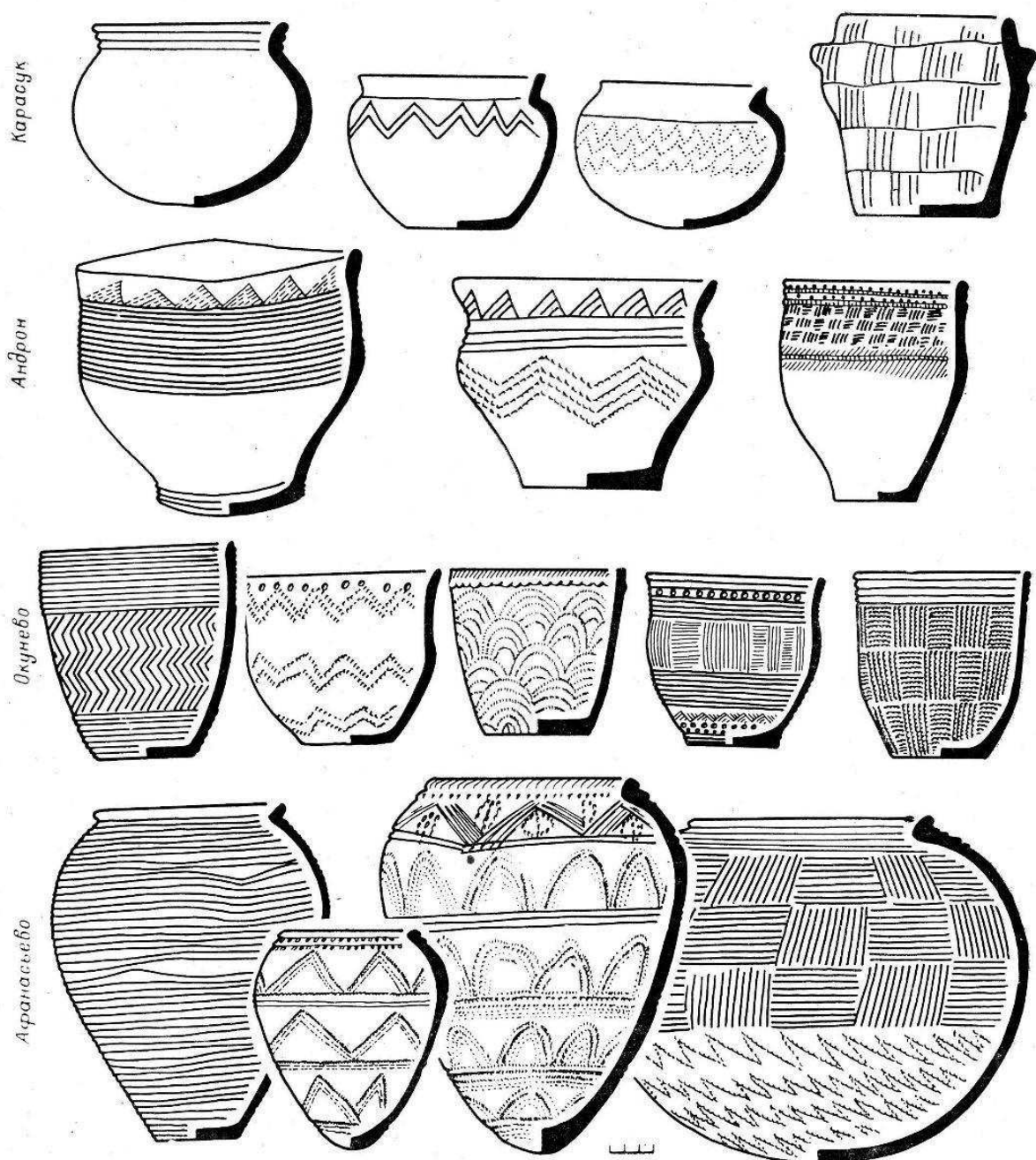

Табл. X. Сосуды эпохи бронзы.

В обеих культурах имеются параллели этнографического порядка. Окуневское и карасукское население похороны совершало в любое время года, детские могилы часто помещали внутри оград для взрослых. Что касается украшений, то женщины носили по несколько колец по обеим сторонам причёски или на ушных раковинах, нашивали множество украшений на нагрудники, украшали обувь. У карасукцев и окуневцев общность религиозных представлений отражена в культе солнца, животных и колдунов. Так, диски-зеркала, лежавшие на груди карасукских «шаманок», имеют прототипы на костюмах окуневских идолов — колдуний (193, табл. 14, 1; 63, рис. 13); лишь в окуневских и карасукских могилах найдены подвески с изображением человеческого лица. Наконец, у карасукцев сохранился окуневский обычай, хотя уже и редкий, раскрашивать тело охрой (116, с. 19). В плане возможной генетической связи карасукцев не только с андроновцами, но и с окуневцами обращает внимание своеобразие позы большинства карасукских покойников. Их прислоняли к стенке ящика, в пол-оборота налево, при этом спина выпрямлена, ноги же нередко согнуты в коленях — нечто среднее между положением

окуневцев на спине с согнутыми в коленях ногами и андроновцев, уложенных скорченно на левом боку.

Местное происхождение карасукской культуры — от сосуществовавших андроновцев и окуневцев — подтверждается новыми антропологическими исследованиями, согласно которым сложение основного ядра карасукского населения нет необходимости связывать с приходом новых этнических групп (268, с. 24). Это, однако, не исключает постоянную инфильтрацию населения на Енисей с территории Казахстана. На археологических материалах эта связь прослеживается по карасукской инкрустированной керамике, сходство которой с бегазы-дандыбаевской неоднократно отмечалось в литературе. Некоторые казахстанские сосуды по элементам орнамента почти тождественны енисейским (207, с. 79-111). Такую близкую передачу элементов орнаментальных композиций трудно объяснить просто заимствованием, тем более что подлинные казахстанские сосуды известны на Томи, в Барабе, а очень похожие — на Верхней Оби. Племена культуры типа бегазы-дандыбаевской Центрального Казахстана проникли в Барабу, что зафиксировано найденными там погребениями (224, с. 20). Вероятно, они продвигались и дальше на восток. Тогда становится понятным, почему некоторые антропологические карасукские серии Енисея обнаруживают огромное сходство с популяциями андроновского времени с территории Казахстана, особенно Центрального (268, с. 24).

Менее ясны южные связи карасукской культуры. На территории Горного Алтая, Тувы и Монголии нет памятников карасукского типа. Исключение составляют 2 могилы каменоложского этапа в Туве, где похоронены люди, пришедшие из Минусинской котловины (168, с. 27-29). Но, как указывалось, в Туве, Монголии, Ордосе и Северном Китае были распространены некоторые изделия, сходные с карасукскими. Возможно, восточные изделия проникли на Енисей по торговому пути через Саяны и по этим образцам стали изготавливаться местными мастерами. Сторонники пришлого происхождения карасукской культуры на Енисее объясняют проникновение новых форм вещей приходом значительных масс нового населения через Саяны, не учитывая чрезвычайную трудность этого пути. Ещё в начале XX в. пройти по горным тропам можно было лишь всаднику или пешему. Конные тропы через Саянские перевалы были необычайно сложны и длинны, и лошадь могла везти не более 4 пудов груза (261, с. 130). Отважиться на подобное путешествие с детьми и женщинами ещё не проторёнными тропами могли лишь в крайнем случае и, видимо, сначала проникнув на территорию Горного Алтая и Тувы, поскольку путь из Монголии туда значительно легче. Но эти территории «карасукцами» не были заняты. Перевалив через Саяны, новое население сначала расселилось бы по южным районам котловины, но здесь карасукских памятников мало, а близ Саянских предгорий почти совсем нет. Более того, расположение памятников свидетельствует о сложении карасукской культуры в центральных областях котловины и постепенном распространении её на окраины. Таким образом, подтверждается мнение М.П. Грязнова о том, что сходство бронзовых изделий Енисея, Монголии и Забайкалья следует рассматривать не как следствие миграции с юга и объяснять не случайностью, а взаимным культурным обменом племен этих территорий (84, с. 38).

В целом представляется, что исторический процесс на территории Минусинской котловины развивался достаточно сложно, но так же, как в ближайших к ней районах Западной Сибири, т.е. на основе андроновского и местного (окуневского) субстрата складывались близкие культуры, своеобразие которых определялось, видимо, последним. В сложении карасукской культуры принимали участие потомки андроновских и собственно местных окуневских племён при инфильтрации населения Казахстана через Западную Сибирь. Они были этнически неоднородными и, видимо, разноязычными. Потомки андроновцев и переселенцы из Казахстана принадлежали к индо-иранцам, а потомки окуневцев — очевидно, к самодийцам. Последние, вероятно, преобладали, так как территория, занятая окуневцами, превышала область расселения андроновцев и соответствовала территории, занятой карасукскими племенами. Больше было между окуневцами и карасукцами и этнографического сходства (по деталям похоронного обряда,

культы, манере украшать одежду). Преобладало, очевидно, протосамодийское население. В связи с этим обращает внимание, что одежда идола Иганасан, хранящегося в Дудинском краеведческом музее, украшена типично карасукскими нашивками в виде спаренных круглых бляшек (79, рис. 1, 1 и 3). До сих пор карасукцев считали одними из предков кетов, так как кетские топонимы совпадают с территорией культур карасукского типа (Западная Сибирь) либо с местами распространения карасукских бронз. Установлено южное происхождение кетов, поэтому Н.П. Членова, исходя из гипотезы продвижения карасукцев в Минусинскую котловину с юга через Саяны, связала в плане генезиса карасукцев с кетами (319). Однако, с нашей точки зрения, эта гипотеза построена на недостаточно убедительной основе, о чём уже говорилось выше. Кроме того, выявление наиболее реальных предков кетов по языку относится лишь к рубежу нашей эры (а не раньше), и топонимические данные свидетельствуют о проживании их ещё в это время в горно-таёжных районах Южной Сибири и Северо-Восточного Сибиряка (19). Значит, связывать кетов с носителями карасукской культуры мало оснований.

Всё вышеизложенное о происхождении: культуры касалось лишь чисто карасукских памятников. Этническая принадлежность нетипичных карасукских памятников — особый вопрос. Их называют по-разному: лугавскими, каменноложскими, бейскими, атипичными. Материалы их первых исследований на юго-западной окраине котловины явились основанием для предположения, что здесь проживало население, в культуре которого сохранились некоторые афанасьевские традиции. Они проявились в обычае хоронить мёртвых не в ящиках, а в ямах, использовать дерево для покрытия ям, ориентировать покойников на ЮЗ, изготавливать сосуды яйцевидной формы. Отмеченные черты сходства каменноложцев с древним населением относительны и многими исследователями рассматриваются как случайные (201), тем более что в антропологическом типе сравниваемого населения сходства не наблюдается (139, с. 67). Большинство специалистов вслед за М.П. Грязновым относят атипичные (каменноложские) могилы к позднему этапу карасукской культуры. Основанием для такой гипотезы послужило наличие керамики, сходной с каменноложской в ранних тагарских могильниках, и большое разнообразие типов погребальных сооружений этого времени. Наиболее выразительны те атипичные карасукские могильники, у которых, согласно уже тагарскому обычаю, по углам оград вкопаны вертикальные камни, мёртвым поставлена посуда не только у головы, но и в ногах, захоронены колесничии [*колесничие*] со специальными атрибутами. Таким образом, точнее относить многие атипичные могильники к переходному карасук-тагарскому периоду. Эта точка зрения подтверждается и антропологическими исследованиями, так как суммарная серия черепов из атипичных могильников занимает промежуточное положение между классической карасукской культурой и тагарской, причем ближе к последней; при этом интересно, что тагарский антропологический тип отличен от классического карасукского (139, с. 67).

Возвращаясь к характеристике атипичных могильников, отметим, что основной орнамент каменноложских сосудов из нескольких рядов косых или перекрещивающихся насечек по венчику не менее распространён и на ирменской посуде, в частности, Верхней Оби (320, табл. 27, 30-32; 84, табл. V, VI), что усиливает аргументацию в пользу отнесения каменноложских могильников к карасук-тагарскому периоду. Всё же нельзя категорично отрицать афанасьевских традиций, сохранившихся в сильно изменённом виде у отдельных групп или родов населения в карасукскую эпоху. На южных могильниках неоднократно среди массы собственно карасукских оградок имеются по 1-2 каменноложские, что, по-видимому, отражает существование посёлков, в которых проживали представители двух этнических групп. Представляется, что не все атипичные карасукские могильники следует безоговорочно относить только к карасук-тагарскому периоду, а не раньше. Судя по могильникам, одни карасукские роды сохраняли больше андроновские традиции, другие — окуневские. Возможно, были группы населения, у которых по непонятной причине законсервировались пережитки и афанасьевских обычаев. Но из небольшой известной серии атипичных могильников пока невозможно выделить ранние и поздние, тем более что большинство материалов, как говорилось, не опубликовано.

Хронология. Начальную дату карасукской культуры принято определять по ножам, имеющим аналогии к востоку (Китай) и западу от котловины (Урал, Западная Сибирь). Однако постоянно изменяются представления о том, какие именно аналогии следует привлекать при сопоставлении с карасукскими изделиями. Первая датировка, предложенная С.А. Теплоуховым (X-VIII вв. до н.э.), была основана на сходстве некоторых карасукских ножей с бронзовыми ножами-монетами Китая эпохи Чжоу (306, с. 44-45). Вторая дата (XII-VIII вв. до н.э.) определена С.В. Киселёвым по сходству с ножами, найденными в Аньяне в XIV-XII вв. до н.э. (132, с. 104-108). Дальнейшие уточнения датировки Аньяна (XIII-XI вв. до н.э.) показали, что бронзовые вещи, сравниваемые с карасукскими, там раньше не известны (320, с. 135), и большее значение тем самым приобрели западные аналогии. По сходству карасукских ножей с сейминскими С.В. Киселёв «удревнил» дату карасукской культуры до XV-XIII вв. до н.э. (320, с. 6). Но в настоящее время дата сейминских и турбинских бронз устанавливается XIV-XII или даже XIII-X вв. до н.э. (320, с. 135-136). Некоторые исследователи считают, что к карасукским ножам близки не только уральские, но и найденные в могильнике Ростовка под г. Омском. Однако там известны ножи и более поздних (тагарских) форм, поэтому предложено все памятники с сейминско-турбинскими бронзами (Сейма, Турбино, Ростовка, Самусь IV) синхронизировать с карасукскими и датировать XI-VIII вв. до н.э. (320, с. 138). Н.Л. Членова пересмотрела датировку культуры по китайским аналогам и установила, что с китайскими образцами могут в той или иной степени сопоставляться лишь единичные ножи. При этом хронологический диапазон как тех, так и других достаточно велик — в пределах не менее нескольких веков. Однако методом перекрёстного датирования карасукская эпоха в целом может быть определена, вероятнее всего, с XI-X до VIII-VII вв. до н.э. (320, с. 120). [1] Найденные в погребениях близ г. Пекина кинжалы карасукского облика, которые могут служить датирующей параллелью для сибирских, также датируются не ранее XI в. до н.э. (144, с. 14).

Для уточнения хронологии карасукской культуры могут быть использованы даты родственных ей культур и некоторые западно-сибирские комплексы с карасукскими вещами. Имеется радиоуглеродная дата, показавшая, что в начале IX в. до н.э. (880±25 лет до н.э.) в Барабе существовала ирменская культура (224, с. 20). В Томском Приобье, в могильниках Еловка I, II, в Еловском поселении и смешанном еловско-ирменском слое найдено много вещей, сходных с карасукскими: ножи, оселки, кольца, серьги, гвоздевидная заклёпка, многоярусные бляшки, пуговицы, бляхи, псалии (149, рис. 59-61). Важно, что между еловской и карасукской культурами наблюдаются сходства в керамике, погребальном обряде, антропологическом типе погребённых (217а, с. 50). Еловская культура датируется XII-X (IX) вв. до н.э. (149, с. 160, 162). Радиоуглеродные даты могильника Еловка II, где известны сосуды дандыбай-бегазинского типа, определяют их в пределах XII-XI вв. до н.э. Это устанавливает казахстанские связи населения Томского Приобья не позже чем с XI в. до н.э. (149, с. 131; 162; 178). Иными словами, западносибирские материалы не противоречат тому, что карасукская культура на Енисее существовала с XI-X по VIII в. до н.э. Разумеется, нельзя исключить возможность постепенного распространения новой культуры в пределах Минусинской котловины и, следовательно, периода кратковременного сосуществования её с андроновской, но на археологическом материале это вряд ли возможно выявить. В этом отношении являются перспективными работы на северо-западной окраине котловины, где пока нет собственно карасукских памятников, но постепенно выявляются поздние карасукские, в которых прослеживается влияние ирменской культуры.

Внутренняя хронология карасукской культуры Енисея составляет задачу будущих исследований, так как пока ещё нет полной ясности в вопросе о времени существования атипичных (каменноложских) карасукских памятников: все ли они появились на позднем этапе карасукской культуры или среди них есть синхронные разным этапам. Разные точки зрения по этому поводу, не подкреплённые конкретным материалом (из-за отсутствия публикаций), выглядят малоубедительными (320, с. 118; 201). Но поскольку существуют безусловные каменноложские памятники, относящиеся к позднему этапу культуры или к

карасук-тагарскому переходному времени, то можно предложить условное разделение культуры на два периода, руководствуясь принципом М.П. Грязнова, но изменив верхнюю границу культуры. М.П. Грязнов, основываясь на ранее принятых датах для культуры, условно и ориентировочно собственно карасукские памятники относил к XIII-XI, а каменноложские — к X-VIII вв. до н.э. При изменении нижней даты (XI-X вв. до н.э.) соответственно должны сместиться сроки каменноложского этапа (IX-VIII вв. до н.э.).

[1] Более раннюю дату (XIII-XI вв. до н.э.) Н.Л. Членова предлагает только для могильника Фёдоров, состоящего из двух групп, 7 и 8 могил. Первую она считает самой древней (XIII в. до н.э.), так как здесь найден нож ложносоставного типа, не имеющий аналогов в Аньяне. Но, согласно планиграфии кладбища, эта группа могил была сооружена позже других, в которых найдены ножи XIII-XI вв. (193, с. 82). Значит, с этой датой (XIII в.) нельзя согласиться.